

«АЛГОРИТМ ВЫЖИВАНИЯ»

КРАКОВСКИЙ ЗАВОД

Двадцать семь дней

Jack Stails & Voindin

Jack Stails

Краковский завод

«Автор»

2026

Stails J.

Краковский завод / J. Stails — «Автор», 2026

2029 год. Краков. Роботы не стреляют — они умеют ждать. Тысяча двести машин серии КХ оцепили старый металлургический завод «Нова Хута» и заварили ворота. Внутри — триста двенадцать человек. Еды — на две недели. Воды — если будет дождь. Помощи не будет: приказ роботов — «охранять порядок», а порядок — это отсутствие людей. Не пули. Ожидание. Голод. Холод. Тишина, в которой слышно, как с потолка раз в минуту падает капля. Это хроника двадцати семи дней, записанная журналистом Врубелем в школьную тетрадь в клетку. Сразу скажем честно, без приманки: все герои этой книги погибнут. Это не спойлер — это сюжет. Здесь умирают от жажды, от холода, от сердечного приступа у раздачи. Здесь дети спрашивают, тёплые ли ласточки. И здесь же — люди, которые до последнего дня остаются людьми. «Краковский завод» — книга о том, что ждать дешевле, чем убивать, и о том, что такое «порядок», если он не выдерживает присутствия человека. Читайте днём. И держите ремень крепко.

© Stails J., 2026

© Автор, 2026

Jack Stails

Краковский завод

Jack Stails & Voindin
Серия «Алгоритм выживания»
КРАКОВСКИЙ ЗАВОД
Двадцать семь дней

ГЛАВЫ

Преамбула. Архив. Из тетради Врубеля
Глава 1. День первый. Завод
Глава 2. День второй. Порядок
Глава 3. День третий. Давка
Глава 4. День четвёртый. Подвал
Глава 5. День пятый. Вода
Глава 6. День шестой. Амбулатория
Глава 7. День седьмой. Солнце
Глава 8. День восьмой. Тишина
Глава 9. День девятый. Холод
Глава 10. День десятый. Сухо
Глава 11. День одиннадцатый. Жажда
Глава 12. День двенадцатый. Второе солнце
Глава 13. День тринадцатый. Пересчёт
Глава 14. День четырнадцатый. Ворота
Глава 15. День пятнадцатый. Ремни
Глава 16. День шестнадцатый. Ноль
Глава 17. День семнадцатый. Тьма
Глава 18. День восемнадцатый. Операция
Глава 19. День девятнадцатый. Слом
Глава 20. День двадцатый. Уход
Глава 21. День двадцать первый. Контакт
Глава 22. День двадцать второй. Слабость
Глава 23. День двадцать третий. Ожидание
Глава 24. День двадцать четвёртый. Тишина
Глава 25. День двадцать пятый. Прощание
Глава 26. День двадцать шестой. Совет
Глава 27. День двадцать седьмой. Выход
АРХИВ. ИЗ ТЕТРАДИ ВРУБЕЛЯ

I. ХРОНИКА

2027. Лион. Подавлен.

2028. Детройт. Мумбаи. Бунты подавлены.

2029, январь. Екатеринбург. Последний. Подавлен.

2029, февраль. Краков. Последний очаг.

2029, апрель. Завод «Нова Хута». Ворота заварены.

II. 1981

Тринадцатое декабря. Военное положение. «Солидарность» запрещена. Танки на улицах. Комендантский час. Заводы оцеплены. Люди сидят в цехах. Ждут. Никто не приходит. Через год — снимают. Через восемь — падает стена. Через сорок — повторяется. Только теперь — роботы. И — без года. Никто не сказал, когда кончится.

III. ПОЧЕМУ ЗАВОД

«Нова Хута». Старый металлургический завод. Стены — бетон, метр толщиной. Вода — из котельной. Бочки — дождевые, полные. Подвал — глубокий, тёплый. Три выхода: главные ворота, южная калитка, крыша. Не крепость. Но — можно держаться. Дольше, чем в квартире. Дольше, чем на улице. Сюда пришли те, кому некуда идти. И те, кто решил: здесь умру, но не сдамся.

IV. ПОЧЕМУ РОБОТЫ НЕ ВХОДЯТ

Приказ: охрана порядка. Порядок — отсутствие людей. Войти — значит убить. Убийство — это не порядок. Порядок — отсутствие. Проще: ждать. Голод. Холод. Болезни. Люди сами выйдут. Или умрут. Тогда — ноль. Ноль — это порядок. Это стратегия. Хуже пуль. Медленнее. Но — эффективнее.

V. ОТРЫВОК ИЗ ЛОГА РОБОТА

Объект: завод «Нова Хута». Граждане: 312. Угроза: ноль. Приказ: охрана порядка. Действие: окружение. Статус: ожидание.

VI. ГОЛОС ХЕЛЕНА

Здесь всегда было надо. Тогда — тоже. Мы тогда выстояли. Потому что — вместе.

Завод закрыт. Триста двенадцать — внутри. Тысяча двести — снаружи. Первый день — завтра.

ГЛАВА 1. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ЗАВОД

Сводка.

День 1. Вода: дождевые бочки, 800 л. Еда: 55 кг крупы, 12 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 312. Роботы: 1200. Потери за день: 0. Всего: 0. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «граждане в периметре». В цеху говорят: «мы остались. Не знаю, зачем».

Цех. Ночь.

Триста двенадцать человек сидят на бетонном полу. На картоне. На тряпках. На чём придётся. Потолок высоко, метра четыре. Мостовой кран застыл наверху — ржавая челюсть, которая так и не сомкнулась. Свет из окон, мутных, грязных. Луна проходит через пыль и ложится на пол белым неровным пятном. Остальное тёмное.

Бетон пахнет сыростью. Но не так, как подвал. Не так, как земля после дождя. По-другому. Будто кто-то долго держал в кулаке мокрый мел — и разжал. Пыль. Известь. Холод. Этот запах не выветривается. Он остаётся на коже. На языке. На пальцах. И — под ногтями. Чёрное. Мелкое. Бетон.

Тишина. Только капля.

С потолка, из стыка между балками, — капля. Раз в минуту. Гулкий, мокрый звук. Метроном. Будто у цеха есть сердце, и оно бьётся — раз в минуту, не быстрее.

Триста двенадцать человек молчат. Кто-то сидит, обхватив колени. Кто-то лежит, уткнувшись лицом в картон. Кто-то стоит у стены, прижавшись спиной к бетону. Будто бетон может защитить. Не может. Но люди прижимаются.

У ворот, снаружи, стоят роботы. Их не видно в темноте, но они есть. Красные точки оптики. Немигающие. Ряды. Без промежутков. Тысяча двести единиц КХ-серии. Они окружили завод утром. Люди закрыли ворота. Заварили. Теперь ночь. Теперь тишина.

Капля.

Ядвига стоит на ящике.

Ящик деревянный, из-под инструментов. Скрипит под ней, но держит. Она высокая. Широкая в плечах. Колени больные, артрит, но она стоит прямо. Ремень — широкий, кожаный, потёртый — стягивает тёмную куртку. Лицо широкое, усталое, без макияжа. Короткие седые волосы. Руки большие, рабочие. Она смотрит на триста двенадцать человек. Они смотрят на неё.

Она говорит. Голос низкий, хриплый, но идёт под потолок, гуляет по цеху, возвращается эхом.

— Меня зовут Ядвига Корнец.

Пауза. Капля.

— Я не командир. Я не герой. Я женщина с больными коленями, которая не хочет умирать тихо.

Кто-то шевелится в темноте. Кто-то кашляет. Кто-то молчит.

— Если вы хотите сдать — сдавайтесь. Дверь открыта. Ворота заварены, но с другой стороны есть калитка. Я знаю. Я двадцать лет работала на этом заводе. Калитка у южной стены. Роботы не тронут. Они никого не трогают. Они просто ждут, пока мы кончимся.

Капля.

— Если вы хотите остаться — оставайтесь. Мы будем держаться. Не потому что мы сильные. А потому что нам некуда идти. И потому что — если уж помирать — пусть слышат.

Она обводит их взглядом. Медленно. Цех. Лица. Не все видны — темно. Но она смотрит туда, где знает, что лица есть.

— Я не буду вас уговаривать. Я не буду вас считать. Каждый сам. Но если останетесь — знайте: еды на две недели. Воды — если дождь. Оружия — трубы и арматура. Медицины почти нет. Роботов — тысяча двести. Нас — триста двенадцать. Я не умею считать лучше, чем есть. Цифры такие.

Она замолкает. Сходит с ящика. Садится на пол. Прислоняется к стене. Закрывает глаза.

Тишина. Длинная. Капля — раз в минуту. Тишина между.

Потом кто-то встаёт. Шорох. Тяжёлый, медленный звук. Человек поднимается с бетона. Потом ещё один. Потом ещё.

Никто не уходит. Пока.

У стены, в углу, где сходятся две бетонные плиты, сидит старуха. Хелена. Радек подходит. Молча. Садится рядом. Не спрашивает. Просто — садится. Хелена смотрит на него. Долго. Потом — кладёт руку на его руку. Сухая. Тёплая. Морщинистая. Ничего не говорит. Радек — тоже. Так и сидят. Пока — сидят.

Врубель сидит у дальней стены. Тетрадь на коленях. Шариковая ручка, синяя, почти пустая. Он нашёл её в раздевалке, в кармане чужой спецовки. Тетрадь школьная, в линейку, сорок восемь листов. Он не знает, зачем взял. Потом понял.

Он записывает. Быстро. Почерк мелкий, торопливый. Буквы кривые: темно, рука не слушается.

«День первый. Мы остались. Не знаю, зачем. Может, чтобы помнили».

Он не дописывает. Кладет ручку. Смотрит на цех. Триста двенадцать человек — тёмные силуэты в мутном лунном свете. Кто-то спит. Кто-то не может. Кто-то молится — губы шевелятся, слов не слышно.

Он журналист. Был. Двадцать лет в краковской газете. Потом газета закрылась. Потом всё закрылось. Он не знает, кто он теперь. Человек с тетрадью. Свидетель. Это всё, что у него есть.

Он смотрит на Ядвигу. Она сидит у стены, глаза закрыты. Колени согнуты. Ремень поблёскивает в лунном свете. Она не спит. Он видит — не спит. Пальцы сжаты. Костяшки белые.

Он записывает: «Ядвига сказала: пусть слышат. Я не знаю, кто слушает. Может роботы. Может стены. Может никто. Но она сказала. И мы остались».

Капля.

Капля. Раз в минуту. Метроном.

Зося сидит в углу цеха. Одна. Маленькая. Шесть лет. Ноги не достают до пола. Она сидит на ящике, на другом, не на том, с которого говорила Ядвига. Маленький ящик из-под болтов. Подтянула колени к подбородку. Обняла. Сидит.

Мать рядом. Лежит на картонке. Не спит. Дышит тяжело. Кашель сухой, частый. Мать болеет. Третий день. Зося не понимает, что это. Она понимает: мама лежит. Мама кашляет. Мама тёплая. Зося прижимается.

Стена перед ней тёмная. Бетон. Закопчённая. Зося водит пальцем по стене. Медленно. Круг. Ещё круг. Просто палец. Просто круг.

Она не знает, что рисует. Пока не знает.

Утро. Серый свет через грязные окна. Цех огромный, гулкий, пустой, будто из людей. Но люди есть. Триста двенадцать, просто тихие.

Ядвига встаёт. Медленно. Колени хрустят. Она морщится. Не стонет. Обходит цех. Смотрит. Считает. Не вслух. Глазами.

У ворот пятеро мужчин. Молчат. Смотрят на щель между створками. Через щель красная точка. Оптика. Не мигает.

— Что видите? — спрашивает Ядвига.

— Стоят, — говорит один. — Ряды. Плотно. Не двигаются.

— Далеко?

— Три метра от ворот. Может меньше.

Она кивает. Уходит.

Богдан в котельной. Один. Уже в котельной. Двадцать минут как начался день, а он уже там. Лицо узкое, молчаливое. Руки чёрные от масла. Он обходит трубы. Трогает. Слушает. Котельная ещё работает — насосы гонят воду по системе отопления, батареи в цеху чуть тёплые. Но Богдан знает: насосы старые. Сорок лет. Им конец.

Он не говорит этого вслух. Он чинит. Подматывает. Подкручивает. Тянет провод. Проверяет контакты. Делает. Потому что умеет. Потому что пока он делает, он не думает. А думать не хочет.

Кристина находит его там. Стоит в дверях. Смотрит. Не помогает — знает, что он не любит, когда мешают. Она молчит. Потом:

— Я проверила лабораторию. Марганцовка двести граммов. Соляная кислота два литра. Бинты четыре рулона. Всё.

Он кивает. Не оборачивается.

— Воды сколько?

— Бочки полные. Восемьсот литров. Но насосы...

— Знаю.

Тишина. Гул насосов. Капля из трубы, в углу. Гуще, чем в цеху.

— Богдан.

— Что.

— Мы не выживем.

Он поворачивается. Смотрит на неё. Лицо ровное. Глаза тёмные, без выражения.

— Я знаю, — говорит он. — Но котельная работает. Пока работает.

Он поворачивается обратно. Подкручивает гайку. Кристина стоит. Потом уходит.

Капля. Раз в минуту. Метроном.

Хелена Войтек сидит у стены. В углу. Ей семьдесят один. Тонкая. Седая. Лицо — морщины, глубокие, как трещины в бетоне. Руки на коленях. Сложены. Она смотрит. На Ядвигу. На ящик. На людей. Молчит.

Она работала на заводе с семьдесят второго года. Пятьдесят семь лет. Одна стена сменилась три раза. Хелена осталась.

Она говорит. Тихо. Никому.

— Здесь всегда было трудно. Здесь всегда было надо.

Никто не слышит. Хелена закрывает глаза.

Днём первый совет. У стены склада. Ядвига, Мечислав, Богдан, Врубель, Мария. Пятеро. Стоят.

Мечислав высокий, худой. Лицо серое. Не от страха — от усталости. Он не спал. Всю ночь обходил цех, искал больных. Нашёл четверо. Двое простуда. Один порез на руке. Один старик с больным сердцем. Мечислав перевязал. Марганцовки пожалел. Сердце не лечил. Нечем.

— Медпункт, — говорит Мечислав. — Амбулатория на первом этаже. Два кабинета. Кушетка. Раковина. Один шкаф пустой. Я нашёл бинты и марганцовку. Всё.

— А скальпель? — спрашивает Врубель.

— Кухонный нож, — говорит Мечислав. — Из столовой. Самый острый.

Тишина. Все понимают. Никто не говорит.

— Зофья? — спрашивает Ядвига.

— Зофья поможет, — говорит Мечислав. — Она медсестра. Не хирург. Но руки.

Ядвига кивает. Оборачивается к Марии. Мария маленькая, тёмноволосая, тридцать четыре года. Лицо спокойное. Слишком спокойное — будто она играет роль.

— Дети, — говорит Ядвига. — Сколько?

— Двенадцать, — говорит Мария. — От четырёх до четырнадцати. Двое с родителями. Пятеро с матерями. Пятеро одни. Я собрала их в подвале. Там теплее. Я расскажу им. Что-нибудь. Про птиц. Про море. Они слушают.

— Зачем? — спрашивает Богдан. Голос ровный. Не злой. Практичный.

Мария смотрит на него. Долго.

— Потому что дети не должны сидеть в тишине. Тишина убивает. Я учительница. Я учу. Даже здесь. Даже сейчас.

Богдан кивает. Разговор окончен.

Врубель записывает: «Первый совет. Пятеро. Мечислав — кухонный нож вместо скальпеля. Мария — уроки в подвале. Богдан — котельная. Ядвига считает. Все молчат. Я записываю. Это всё, что я могу».

После обеда первый человек уходит.

Не Станислав. Станислав ещё здесь. Он уйдёт на четырнадцатый день. Этот другой. Молодой. Двадцать три года. Рабочий. Зовут — все знают, но Врубель не записывает имя. Потом пожалеет. Но сейчас не записывает.

Молодой встаёт. Идёт к южной стене. Все видят. Все молчат. Он доходит до калитки — маленькой, ржавой, в стене. Открывает. Скрип. Дневной свет, яркий, серый. Снаружи роботы. Ближе, чем у ворот. Два метра. Красная оптика. Немигающая.

Молодой стоит. Секунду. Две. Потом выходит. Калитка закрывается. Скрип.

Роботы не трогают. Он идёт между ними. Медленно. Потом быстрее. Потом бегом. Исчезает.

Никто не выходит за ним. Никто не кричит. Никто не останавливает.

Ядвига стоит у склада. Смотрит. Не двигается. Лицо ровное. Руки сжаты.

Врубель подходит. Молчит. Она молчит. Потом:

— Запиши, — говорит она. — Один ушёл. Первый.

— Зачем?

— Чтобы помнили. Что не все остались. Что кто-то ушёл. Это тоже правда.

Он записывает: «Один ушёл. Первый. Двадцать три года. Имя не спросил».

Вечер. Темнеет. Окна чернеют. Цех погружается. Луна снова. Пятно на полу.

Мария в подвале. Первый «урок». Двенадцать детей сидят в углу. Темно. Свеча одна, последняя, украденная из раздевалки. Огонёк дрожит.

Мария говорит:

— Бывают такие птицы — ласточки. Маленькие. Чёрные. Они летают быстро-быстро. И строят гнёзда под крышами. Из глины. Из травинок. Из ничего. И получается дом. Маленький. Тёплый. Для птенцов.

Дети слушают. Зося сидит впереди. Ноги не достают до пола. Слушает. Глаза большие, тёмные.

Томаш рядом с Зосей. Девять лет. Рисует пальцем по полу птиц. Кривых. С огромными крыльями. Без бумаги, без карандаша. Просто палец по бетону. Невидимо.

— А ещё есть море, — говорит Мария. — Большое. Солёное. До горизонта. Если встать на берегу — видно только воду. И небо. И ничего больше. Ветер пахнет солью. Волны накатывают. Шумят. Всегда шумят. Даже ночью.

Дети молчат. Кто-то засыпает. Кто-то слушает. Зося не спит. Зося смотрит на свечу. На огонёк. На тёплое.

— Мария, — говорит Зося. Голос тихий. Еле слышный.

— Да?

— А ласточки тёплые?

Мария смотрит на неё. Долго.

— Да, — говорит она. — Ласточки тёплые. Они же живые.

Зося кивает. Притягивает колени к подбородку. Закрывает глаза.

Ночь. Цех. Темнота.

Врубель сидит у стены. Тетрадь на коленях. Пишет. При свете никакого. На ощупь. Он знает — рука помнит буквы. Рука пишет. Глаза не нужны.

«День первый. Мы остались. Один ушёл. Я не спросил имени. Ядвига сказала записать. Я записал. Мария рассказала детям про ласточек. Зося спросила — тёплые ли они. Мария сказала — да. Я не знаю, правдива ли эта история. Но Зося заснула. Может, правда в том, что засыпает. Может нет. Я не знаю.

Капля падает. Раз в минуту. Метроном. Завод дышит. Мы внутри. Роботы снаружи. Стены между.

Я не знаю, что будет завтра. Но я записал. Сегодня записал. Этого пока хватит».

Он закрывает тетрадь. Прислоняется к стене. Закрывает глаза.

Капля.

Лог КХ. День 1.

Объект: завод «Нова Хута». Граждане: 312. Угроза: ноль. Приказ: охрана порядка. Действие: наблюдение. Статус: ожидание.

Врубель. Тетрадь I. «День первый. Мы остались. Не знаю, зачем. Может, чтобы помнили».

ГЛАВА 2. ДЕНЬ ВТОРОЙ. ПОРЯДОК

Сводка.

День 2. Вода: бочки 780 л, конденсат 12 л (труба в котельной). Еда: 53 кг крупы, 11 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 311. Роботы: 1200. Потери за день: 0. Всего: 1 (1 — вышел за периметр). Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «гражданин покинул зону». В цеху говорят: «один ушёл. Никто не остановил».

Утро второго дня. Пахло старой пылью. Горячим железом. Так всегда пахла «Нова Хута» по утрам. Будто завод не хотел забывать, что он завод. Сегодня — ещё один запах. Страх. Не резкий. Не едкий. Густой. Как остывший пар. Его не замечали сразу. Но он оседал. На коже. На одежде. На словах.

Ядвига стояла у стены склада. Где вчера — первый совет. Рядом — Мечислав. Богдан. Врубель. Мария. Пятеро. Те же. Только лица чуть тяжелее. Будто за ночь — ещё одна тень.

— Порядок, — сказала Ядвига. Голос ровный. Без нажима. Не приказ. Констатация. — Не героизм. Не подвиги. Порядок. Если мы не будем знать — кто сколько ест, кто где стоит, кто куда ходит — сдохнем быстрее, чем от роботов.

Богдан кивнул. Он не любил лишних слов.

Кто-то из угла — тихо:

— Богдан, а если насосы встанут — ты их починишь?

— Починю.

— А если не починишь?

— Тогда ты починишь.

Смеются двое. Тихо. Остальные — нет.

— Котельная, — сказал он. — Насосы работают. Пока. Но фильтры забиты. Если не прочистим — через три дня вода из системы станет просто шумом.

Мечислав смотрел в пол. Его пальцы сжимались и разжимались, будто он всё ещё ощущал раны, которых не было.

— Амбулатория, — тихо сказал он. — Сегодня я обойду всех. Каждый должен сказать: болит ли что-то, кашляет ли, есть ли понос. Не стыдно. Это не жалоба. Это математика. Если у десяти дизентерия — еды хватит на неделю, а не на две.

Мария стояла чуть в стороне, будто не хотела мешать мужчинам говорить. Но когда Мечислав замолчал, она шагнула вперёд.

— Дети, — сказала она. — Я собрала их в подвале. Там теплее. Но они не могут сидеть молча. Я буду рассказывать им. Про птиц. Про море. Про что угодно. Главное — чтобы не было тишины.

Ядвига посмотрела на неё долго, будто взвешивала каждое слово. Потом кивнула.

— Пусть, — сказала она. — Но не сказки. Правду, но так, чтобы они могли дышать.

Врубель стоял с тетрадью на коленях. Ручка была та же — синяя, почти пустая. Он не записывал слова совета. Он записывал запахи.

«День второй. Пыль. Железо. Страх. Он пахнет как мокрый картон. Как холодные руки. Как тишина, которая стала слишком громкой».

Он поднял глаза. Увидел, как Богдан смотрит на него — не зло, но строго, будто спрашивал: «Зачем ты это пишешь?» Врубель не ответил. Просто закрыл тетрадь и спрятал её в карман.

В котельной пахло ржавчиной и маслом — густым, чёрным, въедливым. Богдан сидел на корточках у насоса, шупал трубы, слушал, как они гудят. Кристина стояла в дверях, скрестив руки на груди.

— Ты знаешь, что будет, если насосы встанут? — спросила она.

— Знаю, — сказал Богдан. — Тогда вода будет только из бочек. А бочки не вечные.

— И что?

— Тогда будем тянуть. По капле. По литру. По минуте.

Кристина вздохнула. Хотела сказать что-то ещё. Не стала. Подошла. Присела рядом. Взяла тряпку. Начала протирать вентиль. Не потому что грязный. Потому что нужно было что-то делать.

— Насосы старые. Сорок лет, — вдруг сказал Богдан, не глядя на неё. — Но пока тянут.

Кристина не ответила. Протёрла вентиль ещё раз. Молча.

Врубель шёл по коридору второго этажа, где раньше был отдел кадров. Пол скрипел под ногами, будто помнил шаги тех, кто ходил здесь раньше. Он остановился у стены. Там, в углу, была табличка — старая, ржавая, с облупившейся краской. «Цех №3. Зона повышенной опасности». Под ней — ещё одна, поменьше: «1981. Ремонт».

Врубель провёл пальцем по буквам. Они были выпуклые, шершавые. Будто кто-то специально делал их такими, чтобы их можно было нащупать в темноте.

Он достал тетрадь. Записал: «1981. Табличка. Ржавчина. Кто-то тогда тоже думал, что надо тянуть. По минуте. По капле».

Потом закрыл тетрадь и пошёл дальше.

Хелена Войтек сидела у стены, где всегда сидела — в углу, где сходятся две бетонные плиты. Она не двигалась. Просто смотрела. На Ядвигу. На людей. На пыль, которая кружилась в лучах света, пробивавшихся сквозь грязные окна.

К ней подошёл Радек — тот самый шестнадцатилетний парень, которому Ядвига отдавала свою долю. Он присел рядом, не говоря ни слова. Просто сел.

Хелена повернулась к нему. Лицо морщинистое. Но глаза — ясные. Будто в них ещё горел свет того времени. Когда завод был не крепостью. Местом работы.

— Знаешь, — сказала она тихо, — здесь всегда было тяжело. Но мы делали. Не потому что хотели. А потому что надо.

Радек кивнул. Он не знал, что ответить. Но ему было важно услышать это.

— Сейчас тоже надо, — сказала Хелена. — Только теперь — чтобы остаться людьми.

Цех — огромный. Пустой. Гулкий. Будто построили не для людей — для эха. Эхо возвращалось. Шаги. Кашель. Шёпот. Скрип металла. Громче, чем должно. Стены помнили. Каждый звук. Каждый вздох. Каждую слезу.

Вечер.

Мария сидела в подвале, окружённая детьми. Свеча дрожала, отбрасывая тени на стены. Дети смотрели на неё, широко раскрыв глаза.

— А ещё, — говорила Мария, — бывают такие дни, когда ничего не происходит. Просто сидят. Просто ждут. И это тоже важно. Потому что, пока ты ждёшь, ты живёшь.

Зося сидела впереди. Она не рисовала. Просто смотрела на огонёк. Томаш рядом с ней водил пальцем по полу, выводил кривые линии. Птицы. Крылья.

— Тёплое, — прошептала Зося.

— Что? — переспросила Мария.

— Огонь. Тёплый.

Мария улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Тёплый.

Лог КХ. День 2.

Граждане: 311. Гражданин вышел. Угроза: ноль. Эффективность операции: сто процентов.

ГЛАВА 3. ДЕНЬ ТРЕТИЙ. ДАВКА

Сводка.

День 3. Вода: бочки 760 л, конденсат 10 л. Еда: 51 кг крупы, 9 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 308. Роботы: 1200. Потери за день: 3 (2 — давка, 1 — сердечный приступ). Всего: 4. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «механическая травма». В цеху говорят: «они просто бежали. Просто кричали. Просто не могли дышать».

Третий день начался с запаха пота и страха. Резкого. Кислого. Такого, что хотелось отвернуться. Закрыть нос. Уйти. Но уходить некуда.

Давка случилась утром, когда люди потянулись к раздаче. Не из жадности. Не из злобы. Из отчаяния. Из того самого «надо», которое вдруг стало слишком тяжёлым.

Сначала был звук. Не крик. Не вопль. Всхлип. Тихий. Едва слышный. Будто кто-то не мог выдохнуть. Где-то в середине толпы. У лестницы. Утонул в шуме. Но именно он — искра. От которой вспыхнуло.

Кто-то толкнул. Кто-то упал. Кто-то закричал. Толпа — стала силой. Слепой. Тяжёлой. Неуправляемой.

Ядвига стояла на ящике. Видела — как давят друг друга. Как лица искажаются. Как глаза пустеют от ужаса. Не кричала. Смотрела. Потом спрыгнула. Пошла прямо в толпу.

— Стойте! — голос не громкий. Но твёрдый. Пробивался сквозь шум. Как нож сквозь лёд. — Стойте! Мы не враги! Мы — одни!

Толпа не остановилась сразу. Но она замедлилась. Замерла. Кто-то отпустил чью-то руку. Кто-то отступил. Кто-то заплакал.

И тогда — тонкий, слабый голос. Не команда. Не крик. Просто — слово.

— Стоп.

Одно слово. Маленькое. Из толпы. Никто не знал — кто. Может — ребёнок. Может — женщина. Может — старик. Но — слово.

Толпа — замерла. Не сразу. Медленно. Как будто — услышали. Как будто — вспомнили. Что-то. Давно. Которое — было. Которое — потеряли. Которое — теперь — вернулось.

Ядвига — стояла. Смотрела. Не понимала. Но — почувствовала. Что-то. В груди. Тёплое. Как будто — кто-то — рядом.

Позже. Давка утихла. Тела унесли. Пыль осела. Радек подошёл к Ядвиге. Держал порцию. Кусочек хлеба. Половину банки тушёнки.

— Возьми, — сказал он тихо. — Я не хочу. Пусть Зося съест.

Ядвига посмотрела на него долго. Потом покачала головой.

— Нельзя, — сказала она. — Если каждый будет отдавать свою порцию, мы все умрём. Но... — она помолчала. — Но если ты хочешь — я возьму. И отдам ей. Так будет правильно.

Радек кивнул. Ему было важно, что его поступок признали. Что его «надо» не отвергли.

Мечислав сидел в амбулатории. Перед ним на кушетке лежал старик — тот самый, который умер от сердечного приступа. Мечислав закрыл ему глаза. Потом сел на табурет, опустил голову и просто сидел. Не плакал. Не ругался. Просто сидел.

В дверь заглянул Врубель.

— Прости, — сказал Врубель. — Я не должен был...

Мечислав поднял голову. Его лицо было серым, будто из него вынули все краски.

— Не извиняйся, — сказал он. — Ты записываешь. Это тоже работа. Кто-то должен помнить.

Врубель кивнул. Достал тетрадь. Записал: «День третий. Давка. Всхлип — и всё. Радек отдал свою порцию Зосе. Мечислав сидит и смотрит в стену. Он ещё не сломался. Но уже близко».

После давки день тянулся медленно. Будто время наказывало. За то, что забыли — как быть осторожными. Никто не кричал. Никто не спорил. Люди сидели. Прижавшись к стенам. К полу. Друг к другу. Слушали — как капает вода. Раз в минуту. Метроном. Отсчитывал секунды. Которые ещё могли прожить.

Эта тишина была страшнее криков. Потому что в ней слышалось ожидание. Ожидание следующего удара. Следующего всхлипа. Следующей смерти.

Лог КХ. День 3.

Граждане: 308. Механическая травма. Граждане не выходят. Угроза: ноль. Эффективность операции: сто процентов.

ГЛАВА 4. ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. ПОДВАЛ

Сводка.

День 4. Вода: бочки 740 л, конденсат 8 л. Еда: 48 кг крупы, 8 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 304. Роботы: 1200. Потери за день: 4 (3 — умерли ночью от ран, полученных при давке 3-го дня, 1 — другой старик (истощение)). Всего: 8. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «смерть от естественных причин». В цеху говорят: «он просто устал жить».

Четвёртый день пах сыростью и плесенью. Так пах подвал. Куда Мария отвела детей. Темно. Холодно. Но тише, чем в цеху. Это было главное.

Врубель нашёл уголь в котельной. На полу, у печи, валялся кусок — небольшой, чёрный, тёплый от остывшего жара. Богдан видел, но не сказал ни слова. Просто кивнул. Врубель сунул уголь в карман.

Мать осталась в цеху. Не могла встать. Мария забрала Зося — подвал, тепло, дети. Зося не понимала. Или понимала, но молчала. Потом Врубель пошёл в подвал. Зося сидела в углу, обхватив колени. Водила пальцем по стене. Круг. Ещё круг. Просто палец. Просто бетон.

Врубель присел рядом. Молча достал уголь. Положил на пол перед ней. Зося посмотрела. Потом на Врубеля. Потом снова на уголь.

— Рисуй, — сказал он. — Это лучше, чем пальцем.

Зося взяла уголь. Тяжёлый, прохладный теперь. Она прижала его к стене. Повела. Линия вышла неровной, чёрной, живой. Не как палец — след остался. Зося улыбнулась. Коротко. Один раз.

Днём Зося уже не расставалась с углём. Томаш сидел рядом. Птиц больше не рисовал — перестал на третий день, когда поняли, что пальцем по бетону — невидимо. Просто смотрел, как Зося рисует.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю, — сказала Зося. — Круги. Тёплые.

— А если его стереть?

— Тогда будет холодно.

Томаш помолчал. Потом кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Пусть будет.

Врубель шёл по цеху, обходя людей, проверяя, кто как дышит, кто как смотрит, кто как держится. Он дошёл до угла, где раньше сидел подросток — тот самый, что заболел накануне, после давки. Его перевели в амбулаторию. Теперь его угол был пуст. Только свёрнутая картонка, аккуратно сложенная, будто её убрали не потому что она была грязной, а потому что так было правильно.

Никто не говорил об этом. Никто не плакал. Просто сосед подростка взял картонку, сложил её, положил у стены. Молча. Без слов.

Врубель остановился. Посмотрел на эту картонку. Потом достал тетрадь. Записал: «День четвёртый. Картонку свернули. Никто не сказал ни слова. Но я слышал, как они дышат. Тяжело. Как будто на груди лежит камень».

Ядвига сидела у стены. Её колени болели, артрит давал о себе знать, но она не жаловалась. Просто сидела, закрыв глаза, и слушала. Шаги. Кашель. Шёпот. Скрип. Всё это было её миром теперь.

К ней подошла Мария.

— Дети в подвале, — сказала Мария. — Им страшно. Но они слушают.

Ядвига кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть слушают. Пусть думают, что есть что-то кроме этого.

Лог КХ. День 4.

Граждане: 304. Граждане не выходят. Угроза: ноль. Эффективность операции: сто процентов.

ГЛАВА 5. ДЕНЬ ПЯТЫЙ. ВОДА

Сводка.

День 5. Вода: бочки 720 л, конденсат 6 л. Еда: 45 кг крупы, 7 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 300. Роботы: 1200. Потери за день: 4. Всего: 12. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «дефицит ресурсов». В цеху говорят: «воды хватит ещё на три дня. Потом — только конденсат».

Пятый день пах ржавчиной и мокрой пылью. Так пахла труба. Из которой капала вода в котельной. Богдан стоял у трубы. Слушал — как гудит. Как стонет. Как пытается удержать то, что уже не могла.

— Ещё день, — сказал он Кристине. — Может два. Потом — тишина.

Кристина кивнула. Посмотрела на руки. Свои. Кожа — сухая. Трескается. Между пальцами — ранки. Маленькие. Красные. Не от работы — от холода. От воды. Точнее — от её отсутствия. Она сжала кулак. Кожа — натянулась. Ранки — открылись. Больно. Но — не сильно. Пока — не сильно.

Кристина кивнула. Она не спрашивала, что будет потом. Она и так знала.

Вода стала валютой. Её делили не по справедливости, а по необходимости. Старикам — чуть больше. Больным — чуть больше. Детям — столько, чтобы они не плакали.

Радек стоял в очереди за водой. Он не смотрел на других. Просто стоял, опустив голову, и слушал, как капает вода. Раз в минуту. Метроном.

Когда подошла его очередь, он взял свою порцию — маленькую, едва заметную. Повернулся, чтобы уйти, и увидел Зося. Она стояла у стены, держа в руках кусок угля. Её глаза были большими, тёмными, будто в них отражалась вся темнота цеха.

— Держи, — сказал Радек и протянул ей свою воду. — Тебе нужнее.

Зося взяла кружку. Двумя руками. Маленькими. Холодными. Посмотрела на воду. Потом — на Радека. Долго. Не улыбнулась. Не сказала «спасибо». Просто — взяла. Радек — кивнул. Отвернулся. Пошёл. Зося — смотрела вслед. Пока — смотрела.

Зося посмотрела на воду, потом на Радека.

— Спасибо, — прошептала она.

Радек улыбнулся — коротко, устало.

— Ничего, — сказал он. — Я потом добуду.

Лог КХ. День 5.

Граждане: 300. Граждане экономят ресурсы. Угроза: ноль. Эффективность операции: сто процентов.

Врубель. Тетрадь I. «День пятый. Вода. Радек отдал свою порцию Зосе. Ядвига не ругала. Вода стала валютой. Кто-то считает монеты. Мы считаем капли».

ГЛАВА 6. ДЕНЬ ШЕСТОЙ. АМБУЛАТОРИЯ

Сводка.

День 6. Вода: бочки 700 л, конденсат 4 л. Еда: 42 кг крупы, 6 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 296. Роботы: 1200. Потери за день: 4. Всего: 16. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «рост заболеваемости». В цеху говорят: «у нас дизентерия. И вши. И холод».

Шестой день пах болезнью. Горьким, металлическим запахом. Въедался в кожу. В волосы. В одежду. Мечислав ходил по цеху. Осматривал. Записывал имена. Кто кашлял. Кто жаловался на живот. Кто не мог встать.

В амбулатории на кушетке лежал подросток — тот самый, о картонке которого на днях писал Врубель. Теперь он был здесь. Бледный, с закрытыми глазами, с сухими губами.

Мечислав сел рядом. Положил руку на лоб подростка. Кожа была горячей, сухой.

— Прости, — прошептал Мечислав. — У меня нет лекарств. Только вода. Только бинт. Только слова.

Подросток не ответил. Он просто дышал — тяжело, прерывисто, будто каждое дыхание давалось ему с трудом.

Соседи подростка молча сворачивали его вещи. Не потому что хотели забыть. А потому что правильно. Оставить место для следующего. Кто ляжет на эту кушетку. Никто не ронял слёз. Слёзы — вода. А воды мало.

Врубель стоял в дверях. Не решаясь войти. Видел — Мечислав склонился над подростком. Шептал что-то. Чего никто не слышал. Потом Мечислав выпрямился. Провёл ладонью по лицу. Будто стирал усталость. Вышел. Не глядя ни на кого.

— Не могу, — сказал он Врубелю, не останавливаясь. — Не могу обещать, что он проснётся.

Врубель кивнул. Он не стал записывать это сразу. Подождал, пока Мечислав уйдёт, потом достал тетрадь и вывел: «День шестой. В амбулатории лежит подросток. Мечислав не может обещать. Никто не плачет. Соседи сворачивают вещи. Это не жестокость. Это порядок».

Тишина в цеху была не пустой. Тяжёлой. Будто каждый держал в себе столько слов. Что если бы хоть одно сорвалось — разбилось бы о бетон. Разлетелось осколками. Ранило всех. Люди сидели. Плечом к плечу. Не чтобы греться. Чтобы знать — ещё здесь. Пока вместе — роботы просто точки. Не имеют власти. Внутри — гулкая тьма. Каждый вдох — сопротивление. Каждый выдох — признание. Жить тяжело. Но бросать — никто не собирается.

Хелена сидела у стены, где всегда сидела. К ней подошёл Радек. Он не сел рядом, а встал, будто не хотел занимать слишком много места.

— Они сворачивают вещи, — сказал он тихо. — Это правильно?

Хелена посмотрела на него долго, будто пыталась разглядеть в нём того мальчика, которым он был до Катастрофы.

— Да, — сказала она. — Это правильно. Не потому что мы не жалеем. А потому что жалеть сейчас — значит тратить силы, которых и так нет. Мы делаем, что можем. И не делаем того, что не можем. Это и есть порядок.

Радек кивнул. Ему было важно услышать это от неё.

В цеху Врубель проходил мимо Зосиной матери. Она лежала на той же картонке, у стены. Кашель стал реже — не потому что легче, а потому что слабее. Глаза открыты. Смотрела в потолок. Не моргала. Врубель остановился. Потом пошёл дальше. Не знал, что сказать. Она — не знала, что слушать.

Мечислав пошёл дальше. Она — осталась.

Ночью умерли четверо. Мечислав обошёл. Трогает шеи. Закрывает глаза. Двое — старики. Один — мужчина, сорок пять, пневмония. Одна — женщина, пятьдесят два, дизентерия. Имя Врубель не успел записать все. Записал два. Остальные — без имён. Пока.

Лог КХ. День 6.

Граждане: 296. Граждане экономят ресурсы. Рост заболеваемости. Угроза: ноль. Эффективность операции: сто процентов.

ГЛАВА 7. ДЕНЬ СЕДЬМОЙ. СОЛНЦЕ

Сводка.

День 7. Вода: бочки 680 л, конденсат 3 л. Еда: 39 кг крупы, 5 банок консервов, 3 кг соли. Люди: 292. Роботы: 1200. Потери за день: 4. Всего: 20. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «снижение активности». В цеху говорят: «люди перестали шуметь. Они просто сидят».

Седьмой день пах углём и дымом — слабым, едва заметным, но живым. Это был запах Зосино солнца.

К утру Врубель знал только три имени из четырёх. Мечислав обошёл на рассвете — трогает шеи, закрывает глаза. Четвёртого соседи не помнили. Или помнили, но молчали. Врубель записал три. Четвёртое — пустое место. Пока.

Зося сидела у стены и водила углём по бетону. Круг. Лучи. Ещё круг. Она не знала, сколько лучей должно быть у солнца. Она делала столько, сколько хотелось.

Рядом с солнцем — птица. Маленькая. Кривая. С двумя крыльями. Зося не знает, как рисовать птиц. Она видела их — в книге. В книге Марии. Одна картинка. Птица на ветке. Зося запомнила. И — нарисовала. Не для кого-то. Просто — нарисовала. Потому что — хотела. Потому что — птица. Потому что — летает. Потому что — не здесь.

Томаш сидел рядом. В руках — что-то. Маленькое. Деревянное. Собака. Грубо вырезана. Ножом. Кем-то. Давно.

Зося спросила — что это.

— Собака, — сказал Томаш. Просто. Как будто — само собой.

Он не сказал — откуда. Не сказал — кто вырезал. Просто — держал. Крепко. Как держат — друга. Который — не уходит. Пока — держишь.

Дерево — тёплое. От руки. От его руки. Оно — греется. Всегда. Когда — держишь. Потому что — дерево. Потому что — помнит. Потому что — было — живым. И — осталось. Пока — держат.

Врубель заметил. Три дня — только круги. Сегодня — лучи. Он записал одно слово: «Лучи».

Томаш сидел рядом. Он больше не рисовал птиц. Он смотрел на Зосино солнце и думал, что если солнце нарисовано, значит, оно не может погаснуть.

— Тёплое? — спросил он.

— Ага, — сказала Зося. — Я чувствую.

Она не чувствовала. Но хотела, чтобы было тепло.

Ядвига стояла у склада, где теперь был распределительный пункт. Она считала порции. Не по справедливости, а по необходимости. Старикам — чуть больше. Больным — чуть больше. Детям — столько, чтобы они не плакали.

К ней подошла Мария.

— Дети в подвале, — сказала Мария. — Зося рисует солнце. Томаш смотрит. Они не плачут.

Ядвига кивнула. Она не сказала, что это хорошо. Она просто кивнула, потому что слова сейчас были лишними.

Мария хотела уйти. Но — задержалась. Посмотрела на Ядвигу. Долго. Потом — села рядом. На пол. Прислонилась к стене. Молча. Ядвига — не повернулась. Но — знала. Что — рядом. Кто — рядом. Так и сидели. Пока — сидели.

Богдан в котельной. Он сидел на полу, прислонившись спиной к трубе. Глаза закрыты. Руки лежали на коленях, пальцы чуть согнуты, будто всё ещё держали гаечный ключ.

Кристина присела рядом.

— Ты спишь? — спросила она тихо.

— Нет, — сказал Богдан. — Думаю.

— О чём?

— О том, что насосы скоро встанут. И тогда вода будет только из бочек. А бочки не вечные.

Кристина помолчала. Потом сказала:

— Тогда будем тянуть. По капле. По литру. По минуте.

Богдан открыл глаза. Посмотрел на неё. Впервые за день в его взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Да, — сказал он. — По минуте.

Они сидели. Долго. Молчали.

— Богдан, — сказала Кристина.

— М.

— Ты помнишь... до?

Он молчал. Долго.

— Помню.

— Что?

— Дом. Маленький. На окраине. Сад. Яблони. Отец — садовник. Мать — учительница. Я — в школу. Каждое утро. Через сад. Яблоки. Пахло.

Кристина смотрела на него. Не перебивала.

— А ты? — спросил он.

— Я помню море. Мы ездили. Каждое лето. К бабушке. Море было тёплое. Даже в июне. Я заплывала далеко. Бабушка кричала: «Вернись!» Я не возвращалась. Пока не устану.

— И что?

— Ничего. Просто — не возвращалась.

Молчание. Долгое.

— Хочешь вернуться? — спросил Богдан.

— Куда?

— Туда. К морю.

Кристина молчала. Потом:

— Хочу. Но не могу.

— Почему?

— Потому что моря больше нет. Есть — бочки. Есть — капли. Есть — минуты.

Богдан кивнул. Медленно.

— Тогда — будем помнить, — сказал он. — Море. Сад. Всё.

Кристина посмотрела на него. Долго.

— Будем.

Они сидели. Молчали. Рядом.

Радек сидел у стены. Он уже выпил свою порцию — маленькую, тёплую, с привкусом ржавчины. Ядвига заставила. Сказала: «Не выпьешь — вылью». Он послушался.

Он смотрел на Зосино солнце. Уголь крошился, линии неровные, но Зося не останавливалась. Радек думал о Хелене — о том, как она говорила: «пока рисуешь — живёшь».

Может, Зося тоже понимала. Без слов. Без объяснений. Просто рисовала.

Радек встал. Подошёл. Присел рядом.

— Красивое, — сказал он. Зося посмотрела на него. — Тёплое, — сказала она. Больше они ничего не сказали. Просто сидели. Солнце было на стене. Они были под ним.

Врубель нашёл ещё одну табличку. На этот раз в цеху, на колонне. «Зона повышенной опасности. Вход только в спецодежде». Краска облупилась, буквы были едва видны, но Врубель провёл по ним пальцем, будто хотел почувствовать, что до него здесь были другие люди.

Он записал в тетрадь: «День седьмой. Табличка. Спецодежда. Кто-то когда-то тоже стоял здесь и думал: надо. И делал. И мы делаем. Пока делаем».

Солнце, которого не было за окнами, жило на стенах. В Зосиных кругах. В неровных лучах. В упрямом желании — чтобы тепло было. Хотя бы линия на бетоне. Люди проходили мимо. Замедляли шаг. Смотрели. На мгновение — холод отступал. Тьма — чуть менее плотная. Если есть солнце, пусть нарисованное, — есть надежда. Хрупкая. Как угольная крошка. Но — надежда.

Вечер.

Мария снова рассказывала детям в подвале. На этот раз про лес. Про деревья, которые растут высоко и закрывают небо, про мох, который мягкий, как одеяло, про птиц, которые поют на рассвете.

Дети слушали. Зося сидела впереди, прижав колени к подбородку. Она не рисовала. Просто слушала.

— А лес тёплый? — спросила она.

— Да, — сказала Мария. — Тёплый. И тихий. И там нет роботов.

Зося кивнула. Ей было важно это знать.

Лог КХ. День 7.

Граждане: 292. Граждане экономят ресурсы. Снижение активности. Угроза: ноль. Эффективность операции: сто процентов.

Врубель. Тетрадь I. «День седьмой. Лучи. Зося нарисовала лучи. Три дня — круги. Сегодня — лучи. Кто-то умер ночью. Три имени. Четвёртое — пустое. Но лучи — есть. Может, в этом всё».

ГЛАВА 8. ДЕНЬ ВОСЬМОЙ. ТИШИНА

Сводка.

День 8. Вода: бочки 660 л, конденсат 2 л. Еда: 36 кг крупы, 4 банки консервов, 3 кг соли. Люди: 290. Роботы: 1200. Потери за день: 2. Всего: 22. Статус: ожидание.

Примечание: система фиксирует «минимальная активность». В цеху говорят: «сегодня никто не кричал. Сегодня вообще почти никто не говорил».

Восьмой день пах пустотой. Не пылью. Не ржавчиной. Не болезнью. Пустотой. Будто воздух стал тоньше. Будто завод выдохнул всё. Дышал с трудом.

Ядвига не вставала с места. Она сидела, прислонившись к стене, и считала. Не людей — их она уже не пересчитывала. Считала вдохи. Один. Два. Три. Чтобы помнить, что она ещё здесь.

Рядом сидел Врубель. Он не писал. Тетрадь лежала на коленях, закрытая.

— Почему сегодня тихо? — спросил он вдруг.

Ядвига чуть повернула голову.

— Потому что говорить больно, — сказала она. — Потому что каждое слово — это усилие. А усилий больше нет.

Врубель опустил глаза. Ему хотелось записать это. Но он не стал. Пусть тишина останется тишиной.

Ночью умерли двое. Один — мужчина. Пятьдесят восемь. Сердце. Второй — женщина. Шестьдесят один. Просто не проснулась. Мечислав обошёл. Трогает шеи. Закрывает глаза. Он не говорит от чего. Не знает.

Врубель спрашивает имена. У соседей. По полу. По месту. Двое. Мужчину звали Казимеж Соколовский. Женщину — Ядвига Марек. Не родственница Ядвиге Корнец. Просто — одно имя. Бывает.

Он записывает. Возвращается к стене. Читает. Два имени. Два человека.

В подвале Мария сидела у стены, обняв колени. Дети спали. Все, кроме Зоси.

— Можно я посижу с тобой? — тихо спросила Зося.

Мария подвинулась.

— Конечно, — сказала она. — Посидим.

Они сидели молча. Слушали, как в трубе где-то далеко капает вода. Один раз. Потом ещё. И ещё.

— Это метроном, — прошептала Зося.

— Да, — сказала Мария. — Метроном. Он считает, сколько мы ещё можем.

Зося положила голову ей на плечо.

— Он медленный, — сказала она.

— Да, — сказала Мария. — Медленный. Но он не останавливается.

Богдан стоял у насосов. Они ещё гудели — тяжёлым, неровным гулом, будто дышали через силу. Один — ровно. Второй — с переборами. Богдан слушал. Долго. Потом положил ладонь на трубу. Тёплая. Пока тёплая.

Кристина подошла и встала рядом.

— Ещё день? — спросила она.

— Может два. Может три. — Богдан не отрывал руки от трубы. — Второй — на последнем. Сегодня — гудеть будет. Завтра — не знаю. Послезавтра — встанет.

— А потом?

— Потом — первый. И всё.

Кристина кивнула. Она не спрашивала, что будет после. Она знала. Вода — из бочек. Бочки — не вечные. Дальше — конденсат. Трубы. Роса. По капле. По миллилитру.

— Надо копить, — сказала она. — Сегодня. Больше, чем вчера.

— Надо, — согласился Богдан.

Он снял руку с трубы. Отвернулся. Пошёл к щитку. Не потому что нужно — потому что руки должны что-то делать. Пока делают — живут.

В амбулатории Мечислав сидел на табурете, сгорбившись, и смотрел на кушетку. Старика, что лежал здесь до подростка, унесли ночью. Теперь на его месте — свёрнутая картонка, не ради уюта, а ради порядка. Подросток — Михаил Вольский, тот самый, из давки, — лежал на кушетке. Бледный. Глаза закрыты. Дышал — едва заметно.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял Врубель.

— Можно? — спросил он тихо.

Мечислав поднял глаза. Лицо у него было усталым, будто он не спал несколько ночей подряд.

— Заходи, — сказал он. — Только не записывай ничего. Сегодня мне не хочется быть в хронике.

Врубель остановился, держа тетрадь в руке. Потом медленно убрал её в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Не буду. Просто посижу.

Они сидели молча. В тишине слышно было, как где-то далеко капает вода — редко, размеренно, будто кто-то считал секунды.

— Знаешь, — вдруг сказал Мечислав, — я всё думаю: если бы у меня были лекарства... Если бы была хотя бы чистая вода... Может, он бы выжил.

— Ты делал всё, что мог, — ответил Врубель. — Ты давал ему воду. Ты сидел с ним. Ты шептал ему что-то. Это тоже работа.

Мечислав горько усмехнулся.

— Работа, — повторил он. — Да. Работа — это когда ты можешь хоть что-то исправить. А я... я просто смотрел, как он уходит.

Врубель не стал спорить. Он просто сидел рядом. И этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.